

Пэй Янь разрешил Чжоу Дафэй осмотреть окрестности Хэндяня, но сам Дафэй к этой затее остался равнодушен.

Развлечения его мало привлекали, а в поездки он отправлялся разве что ради знакомства с местными нравами и культурой. К тому же съёмочная площадка манила его куда сильнее. На следующее утро Дафэй поднялся без опозданий, твёрдо решив отправиться на съёмки вместе с Пэй Янем.

Пэй Янь, разгадав его мысли, настаивать на прогулках не стал.

У Шэнь Цзуй в Хэндяне больше не намечалось сцен, однако сегодня он всё равно пришёл на площадку. Улучив момент, когда рядом никого не было, Чжоу Дафэй подошёл к нему и предупредил, что Пэй Янь в курсе их недавнего разговора на открытой галерее.

Шэнь Цзуй мгновенно насторожился:

— Кто-то нас заметил?

— Да, — Чжоу Дафэй не придавал этому особого значения. — Впрочем, я уже всё объяснил Пэй Яню. Если он решит привязаться к тебе с расспросами, просто говори как есть.

Шэнь Цзуй нахмурился, лихорадочно сопоставляя факты:

— Скорее всего, Хо Ли. Он тогда странно на нас посмотрел.

— Пусть даже и он, — Чжоу Дафэй ничуть не удивился. — Он зуб на меня точит, а тебя просто зацепило рикошетом.

Шэнь Цзуй задумчиво молчал. Бледный, хрупкого сложения, в минуты затишья он неуловимо напоминал мужскую ипостась Линь Дайюй — казалось, в складке между его бровей навечно залегла тихая, неизбывная печаль.

Решив, что актёр переживает за собственную карьеру, Чжоу Дафэй поспешил его успокоить:

— Судя по вчерашней реакции Пэй Яня, отыгрываться на тебе он не станет.

Неподалёку Ян Тянь уже настраивал камеру, а осветители корректировали мягкий свет. Из центра площадки донёсся зычный голос Пэй Яня — съёмки очередной сцены вот-вот должны были начаться.

Последние дни Чжоу Дафэй буквально не отходил от оператора-постановщика. Заметив, что Ян

Тянь выбирает ракурс, он на ходу бросил Шэнь Цзую:

— В общем, если запахнет жареным, вали всё на меня.

Шэнь Цзуй перехватил его блуждающий взгляд и с лёгкой досадой выдохнул:

— Да нет же, я вовсе не об этом...

— А? — Чжоу Дафэй, совершенно не уловив романтического смятения собеседника, отмахнулся: — Да не переживай ты так, у Пэй Яня полно других дел, чтобы тратить время на всякую ерунду. Я предупредил чисто на всякий случай. Ну, я побежал.

Не дожидаясь ответа, Дафэй поспешно юркнул за спину Ян Тяня. Тот приветливо кивнул. Чжоу Дафэй сразу же указал на объектив, задавая какой-то профессиональный вопрос.

Отрезая лишние детали в кадре, Ян Тянь вполголоса пояснял свои действия. Чжоу Дафэй завороченно следил за монитором; его губы напряжённо сжались, а голова едва заметно качнулась в знак согласия. Он явно ушёл в глубокие размышления.

Профиль юноши в этот момент был безупречен.

Лишь теперь Шэнь Цзуй осознал: Чжоу Дафэй смотрел на камеру совсем не так, как на людей или окружающие вещи. В его взгляде горела почти осязаемая страсть — зрелая, суровая и непреклонная, словно вылитая из железа любовь к кинематографу.

Выходит, и тогда Дафэй заговорил с ним исключительно ради сцены, а вовсе не из личного интереса.

Сердце Шэнь Цзуй затопила тихая горечь. Чувство было такое, словно он сорвался в бездну, и от затянувшегося падения заныли подошвы ног. Больше навязываться он не стал.

Тем временем Пэй Янь, просматривая раскадровку финальных эпизодов, тоже вспомнил о Чжоу Дафэе.

Он прекрасно видел, как парнишка неумоимо носился между отделами последние дни. Благодаря негласному одобрению режиссёра никто не решался встать у него на пути.

Прежде Пэй Янь рассуждал просто: пусть лучше мальчишка крутится среди безобидного персонала площадки, чем связывается с сомнительными личностями вроде Шэнь Цзуй и распивает с ними алкоголь.

Чаще всего Чжоу Дафэй пропадал в операторской группе Ян Тяня. Пэй Янь доверял своему оператору-постановщику на все сто: тот был закоренелым гетеросексуалом, у которого дочь уже вовсю ходила в школу.

Однако сегодня мысль о том, что Дафэй обсуждает кино с кем-то посторонним, отозвалась внутри Пэй Яня необъяснимым уколом ревности. Захлопнув папку с раскадровкой, он окинул взглядом площадку. Сяо Чжоу ожидаемо стоял плечом к плечу с Ян Тянем, увлечённо о чём-то споря.

"Не хватало ещё, чтобы у него с Ян Тянем возник какой-нибудь творческий резонанс..."

Пэй Янь прищурился. При воспоминании о том, как загоралось лицо Чжоу Дафэя при разговорах об искусстве, в груди поднялась глухая, упрямая досада.

"И о чём вообще можно говорить с этим оператором? Всё, что знает Ян Тянь, знаю и я. А то, чего он не знает, мне тоже ведомо. Да он даже не был лучшим выпускником курса!"

Немного подумав, Пэй Янь щёлкнул пальцами, подзывая секретаря Ли.

Тот давно заметил, куда устремлён взгляд босса, и послушно выжидал команды:

— Учитель Пэй?

— Принеси стул, — Пэй Янь небрежно указал на свободное место рядом с собой. — И усади сюда Чжоу Дафэя.

Секретарь Ли не зря столько лет удерживал своё место. Он лично притащил стул и отправился за Дафэем.

Юноша растерялся и явно не горел желанием подчиняться.

На съёмочной площадке было столько интересного! Любой угол казался ему стократ привлекательнее, чем почётное место под надзором Пэй Яня.

К тому же вокруг все работали стоя. Развалиться на стуле у всех на виду казалось верхом неприличия.

— Учитель, мне и стоя хорошо, — вежливо попытался отказаться Чжоу Дафэй.

Пэй Янь окинул его ледяным взглядом и ровным тоном поинтересовался:

— Ты хочешь, чтобы я смотрел на тебя снизу вверх?

—...

Пришлось без лишних споров занять стул.

Для окружающих то, что Чжоу Дафэй теперь восседал подле режиссёра Пэй Яня, мало чем отличалось от недавней сцены, когда тот сидел у него на коленях.

Когда Пэй Янь объявил минутную готовность и скомандовал «Тишина на площадке! Камера, мотор!», Дафэй, хоть и понимал умом, что каждый занят своим делом, не мог отделаться от гнетущего чувства, будто десятки глаз раздевают его донага.

Вероятно, холодный расчёт заставил его смириться с положением содержанки, но глубоко внутри гордость всё ещё бунтовала, отзываясь омерзением к самому себе.

Оставалось отснять всего несколько сцен. Сегодня по плану шла домашняя зарисовка: главный герой проводит время с родителями.

Задача была пустяковой, однако Хо Ли играл так, словно из него выбили душу. С того самого момента, как он увидел Чжоу Дафэя — живого, здорового и беззаботно устроившегося рядом с Пэй Янем, — актёр окончательно потерял самообладание.

Пэй Янь недолюбливал Хо Ли, но устраивать разборки из-за его шпионажа не планировал. Заметив, что парень лагает, режиссёр не стал повышать голос, а лишь спокойно скомандовал сделать ещё один дубль.

Для Пэй Яня большинство подчинённых в компании мало чем отличались от коммерческого товара. Главным оставалось одно: минимизировать риски и выжать максимальную прибыль.

Однако Хо Ли сейчас наступил на те же грабли, что и Шэнь Цзуй ранее: он никак не мог поймать нужную эмоцию, отчего зажимался всё сильнее.

После очередного неудачного дубля он застыл перед камерой с растерянным и затравленным видом. На лице его застыла неприкрытая тревога.

Пэй Янь объявил перерыв и обратился к актёру:

— Сцена элементарная. Каковы бы ни были твои личные причины, подобная игра — это полный провал.

— Профессионал обязан полностью растворяться в роли, невзирая на окружение и зевак. А с твоим нынешним уровнем тебя бы даже на вступительные экзамены в театральный не допустили, — Пэй Янь свернул лист с раскадровкой в трубочку и указал им на Хо Ли. — Даю тебе двадцать минут. Если не соберёшься, обещаю: в следующем проекте твоим персонажем станет труп в первом кадре.

Глядя на несчастного Хо Ли, Чжоу Дафэй начал о чём-то догадываться.

— Учитель, можно мне пойти прогуляться? — вполголоса спросил он, наклонившись к Пэй Яню.

Тот окинул его ленивым взглядом и коротко угукнул.

Затем строго добавил:

— Только далеко не уходи. Обед на площадке, и никакого спиртного.

Дафэй вздохнул с облегчением, словно его только что выпустили из клетки.

Киноград Хэндянь был огромен. К этому часу на большинстве площадок вовсю кипела работа, и улицы заполнились суетящимися людьми.

В этой толпе Чжоу Дафэя никто не знал в лицо, благодаря чему он наконец ощутил сладкий вкус мимолётной свободы.

Слева вход на одну из площадок преграждал верёвочный барьер — там толпились фанаты с брендованными флажками, приехавшие поддержать своего кумира. Справа высились наглухо запертые железные ворота, сквозь щели которых угадывались очертания тяжёлых штативов и звукозаписывающих журавлей.

Чуть дальше дорога оказалась заблокирована шумной толпой. Какое-то должностное лицо надсадно кричало в мегафон.

От нечего делать Чжоу Дафэй не спеша направился туда, ведомый праздным любопытством. Возвращаться на съёмки и служить безмолвной декорацией при Пэй Яне не хотелось. Тот явно держал его при себе лишь ради забавы, даже не думая делиться профессиональным опытом.

— Так, все в очередь, — парень в низко надвинутой бейсболке, чьё лицо оставалось в тени, вещал в рупор. Его голос, вопреки суматохе, звучал приятно и на удивление спокойно. — Сейчас проведём переключку и внесём всех в списки.

— Сразу предупреждаю: ставка — двести юаней в день плюс обед. Расчёт на месте по

окончании смены.

"А, массовка"

Чжоу Дафэй предпринял тактическое отступление, плавно смещаясь к краю толпы.

В этот момент сзади затрезвонил звонок приближающегося трёхколёсного велосипеда. И без того узкий проход забился до отказа. Кто-то бесцеремонно толкнул Дафэя в спину, он покачнулся, едва не упав, и тут же ощутил увесистый хлопок по левому плечу:

— Двадцать шестой!

— Что?.. — Чжоу Дафэй резко обернулся и наткнулся взглядом на того самого парня с мегафоном. Поняв, что произошла нелепая ошибка, он замахал руками: — Послушайте, я не...

— Ну чего ты застыл? Не задерживай движение, — нетерпеливо бросил тот и слегка подтолкнул его вперёд. — Давай, шагай.

Лишь теперь Чжоу Дафэй смог рассмотреть его лицо под козырьком бейсболки. Крупные черты, широкие брови — парень показался ему удивительно знакомым.

Он точно видел его в каком-то фильме.

— Ты же этот... — Дафэй тщетно пытался вспомнить имя, но в памяти всплывал лишь образ: этот парень играл роль третьего плана в одной картине вместе с Шэнь Цзуюем.

То была дебютная работа Шэнь Цзую, которую Чжоу Дафэй пересматривал бессчётное количество раз. В центре сюжета стояли трое закадычных друзей детства. Несмотря на то что по сценарию им было всего по пятнадцать лет, актёрская игра юношей оказалась настолько сильной, что в пух и прах разнесла бы потуги нынешних звёзд уровня Хо Ли или Би Цзяцзя.

Тогда Шэнь Цзуй сыграл второго героя, ставшего любимым персонажем Дафэя. Однако настоящая слава после премьеры досталась лишь исполнителю главной роли — кажется, его звали Лю Хэн. Сейчас тот уже почивал на лаврах в статусе осыпаемого наградами киноидола и регулярно мелькал на плакатах элитных брендов.

Чжоу Дафэй наивно полагал, что скатиться до эпизодических ролей у Пэй Яня для Шэнь Цзую — это предел падения. Но, как выяснилось, исполнителю третьей роли повезло ещё меньше: парень фактически распрощался с актёрским ремеслом и теперь подрабатывал обычным бригадиром массовки.

— Ты... Эрху? — наконец вспомнил Дафэй имя его персонажа.

— Сам ты, блин, Саньпан! — рявкнул «Эрху» и с силой впихнул Чжоу Дафэя в загон для регистрации массовки. — Живее давай, расписывайся в ведомости и не хрен мне тут время тянуть!

—...

<http://bllate.org/book/19003/1934591>